

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Журавлев В.К. Дiachроническая морфология. М.: Наука, 1991. 207 с.

В.К. Журавлев — автор 260 научных работ по фонологии и морфологии, компаративистике, социолингвистике, лингводидактике, истории духовной культуры и истории отечественного языкознания. Но наиболее известен он как фонолог — создатель нового направления диахронической фонологии. Его труд «Диахроническая фонология» (М., 1986) давно стал библиографической редкостью. По проблемам фонологии им опубликовано более 70 работ.

В поисках причин и механизма изменения и развития языка как целостной системы ученый анализирует диахроническую морфологию. На страницах журнала «Baltistica» В.К. Журавлев чаще всего выступает как исследователь диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Его «Диахроническая морфология» образует единое целое с «Диахронической фонологией». Эти два фундаментальных исследования подводят итог многолетних изучений причин и механизма эволюции, динамики и устойчивости, самосохранения и саморазвития языка как целостной системы взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Здесь весьма последовательно и убедительно показано, что главным в диахронической лингвистике является не история отдельного звука, не история отдельной фонемы или морфемы, даже не отдельной категории («мягкости» либо рода), а целостной фонологической морфологической системы.

Значительный интерес в рецензируемой книге представляет проблема лингвистического времени (с. 3—21). Опираясь на современные исследования проблем темпоральности (В.Н. Вернадский, Дж. Фрейзер и др.), В.К. Журавлев дает четкое определение «лингвистического времени», «лингвистической секунды», «хронологической структуры языка», «хронологического возраста языка» и отдельного его явления. Ярко показано, что лингвистическое время теснейшим образом связано с системным устройством языка и его динамическим развитием. Хронологический возраст, по его мнению, можно изменить числом наиболее значительных событий, отраженных, в частности, в формальной и семантической вариативности морфем. Так, в русском языке вариативность морфемы *рук-/руч-* меньше, чем в польском (*ręka, ręczka, ręczku*) и литовском (*rankà, riñkti, reñku*) (с. 13).

Твердая убежденность в том, что и в морфологии, как и в исторической фонетике и фонологии, должны существовать определенные общие законы, которые следует открыть, привела

В.К. Журавлева к необходимости пересмотреть существующие теории грамматической аналогии (с. 35 и сл.). Это позволило предложить формулу «морфологического закона», идентичную формуле «фонетического закона» (с. 45). Морфологический закон аналогии действует лишь на алломорфном уровне: взаимно замещаться по аналогии могут только «изосемантические» морфемы в такой же мере, как и фонетический закон действует лишь на аллофонном уровне, порождая вариативность в рамках единой фонемы. Самостоятельные морфемы не могут взаимно заменяться без утраты полезного противопоставления. От морфологической аналогии следует отличать нейтрализацию морфологических оппозиций. Так, согласно теории Журавлева, флексия -ы им. мн. м.р. в современном русском языке (др.-русс. *столи*) не из винительного, как это трактуется традиционно, а из прежних основ на -*ā (*горы*), как и в косвенных падежах (*столами, столах* вм. др.-русс. *столю, столѣх*). Совпадение флексий им. и вин. пад. трактуется им как нейтрализация оппозиции И:В у существительных неодушевленных.

В общую теорию диахронической морфологии (кроме теории аналогии) автор включил проблему морфологических оппозиций, принципы позиционного анализа словоформ и иерархию морфологической вариативности (с. 35—78). Минимальной структурной единицей морфологии автор считает оппозицию словоформ (*подводник-∅ ~ подводник-а*). Такие оппозиции являются способом выделения морфологических элементов (*под-водник-∅ ~ дворник-∅ ~ вод-а...*). Оппозиции осуществляют взаимосвязь между всеми морфологическими элементами, категориями и корреляциями данной морфологической системы, выявляют вариативность морфологических элементов (*пис-а-ть ~ пиш-у...*). Опираясь на фортунатовские идеи, В.К. Журавлев глубоко и аргументированно разрабатывает принципы морфологического анализа, морфологического значения словоформ и понятия морфологической оппозиции. Это дает ему основание заключить, что существовала одна основа славянского глагола, а не две, традиционно признанные.

В рецензируемой книге значительное место занимает анализ динамики конкретных оппозиций, корреляций, грамматических категорий в славянских и балтийских языках (с. 78—186).

Оригинально трактуется процесс элиминации категории дв. числа. Если при традиционном

подходе в центре внимания лежит анализ истории флексий дуалиса имен существительных, то В.К. Журавлев рассматривает этот процесс как конвергенцию дуалис ~ плюралис во всем, имевшем категорию числа (существительные, прилагательные, местоимения, глаголы). Убедительно показано, что конвергенция осуществлялась путем усиления нейтрализации через усиление падежных оппозиций, ранее нейтрализовавшихся в позиции дуалиса. Этот процесс шел путем проникновения флексий плюралиса в парадигму дуалиса. Оппозиция и корреляция исчезают полностью, как и в фонологическом процессе «от оппозиции к позиции». Усиление одной оппозиции может осуществляться за счет ослабления смежной родственной оппозиции. Оппозиция генитив ~ локатив и аккузатив ~ номинатив могут усиливаться за счет усиления нейтрализации генитив ~ аккузатив. Падение двойственного числа оказалось связанным с возникновением и развитием категории одушевленности. Морфологические оппозиции могут усиливаться путем генерализации флексий вдоль горизонтального ряда парадигм через снятие вариативности изосемантических морфем. Этот путь развития приведет к ослаблению корреляции вертикальных рядов парадигм (падение двойственного числа, унификация типов склонения, ослабление категории рода и т.п.).

Ослабление одних корреляций приводит к усилению других. Как процесс усиления корреляции существительные ~ прилагательные в книге трактуется возникновение и развитие местоименного склонения прилагательных у славян и балтов, а далее, на примере специфического развития постпозитивного артикля, автором анализируется происхождение анализизма в болгаро-македонской области.

В рецензируемой монографии много свежих и интересных положений, оригинальных объяснений истории склонения и спряжения в славянских и балтийских языках. В книге приведен тщательно отобранный исторический и диалектный материал из многих языков и диалектов. К сожалению, в примерах из литовского языка встречаются опечатки; следует писать: *reŭku* вм. *reŭkiu* (с. 13); *bite* ~ *bite* вм. ~ *biŭ* (с. 101); *žvėris* ~ *žvėrim*с. вм. *žvėris* ~ *žvėrim*с. (с. 111); *rūpėjo* вм. *rupėjo*; *mokėta* вм. *moketa*; *grėbti* вм. *grebti*; *apėjus* вм. *apejus* (с. 143); *ukė* вм. *ukė* (с. 144).

Публикация монографии «Диакроническая морфология» еще раз свидетельствует, что В.К. Журавлев — ученый широких научных интересов: не только фонолог, но и грамматист, внесший заметный вклад в морфологию.

Кедайтене Е.И.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: В 3-х вып. Вып. I: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / Под ред. Аванесова Р. И., Бромлей С. В. М.: Наука, 1986. 215 с. + 92 карты.

Выход в свет в 1986 г. первого выпуска Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) — важнейшее событие в истории русской диалектологии. В научный оборот введено чрезвычайно интересное и ценное как в теоретическом, так и практическом отношении издание. Необходимо и целесообразно рассмотреть принятые авторами карт исходные теоретические принципы картографирования и результаты их реализации. Это важно не только для оценки определенного этапа в развитии русской диалектологии, но и для ее последующего развития, в частности для составления региональных диалектологических атласов территорий позднего заселения.

ДАРЯ в целом, в совокупности всех его выпусков, во-первых, должен дать достаточно полное представление о существующих диалектных различиях, о характере этих различий, их истории (известно, что распространение диалектных явлений в пространстве есть проекция их распространения во времени) и, в определенной степени, о их будущем, так как материал атласа дает возможность оценить представленные на картах явления с позиций их большей или меньшей

устойчивости. Во-вторых, ДАРЯ должен послужить образцом для составления региональных диалектных атласов, которые будут иметь научную ценность лишь при полной сопоставимости их карт с картами ДАРЯ.

История работы над ДАРЯ получила освещение в ряде публикаций [1, 2] и представлена в одной из вступительных статей к опубликованному выпуску атласа. Особо следует отметить, что ДАРЯ на всех этапах его подготовки является результатом работы больших творческих коллективов. На этапе собирания материала в работе участвовали преподаватели и студенты 60 вузов страны. Коллективной была и работа по составлению карт, в которой под руководством Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой, С. В. Бромлей участвовало более 30 сотрудников сектора. Каждая авторская карта обсуждалась и совместно корректировалась большим коллективом единомышленников, что обеспечивало значительное единство принципов картографирования.

Единство принципов составления карт обеспечивалось и единством исходных данных, принятых авторским коллективом, опиравшимся на положения, разра-